

Там ведь был-то, жил князь да во Новёграде,
Там-то жил-то ведь как князь да Глеб Володьевич.
Он задумал-то, Глеб да сын Володьёвич,
Он задумал всё дельшко немалоё,
Он немало ведь дельшко, великоё —
Нагрузить своих три черного три карабля
Дорогима всё разныма товарами.
Он ведь скоро нагрузил да черны карабли.
Потянула-то им поветерь способная,
Ай способна им поветерь, уносная,—
Он ведь ставил на чернёны на три карабля
Всех он разных-то молодых корабельщиков.
Они — каждой корабельщик знал всё свой карабь,
Как пошли-то вот они, скоро отправились,
Да пошли-то они всё за синё солоно морё,
Солоно-то всё морё, морё Арапскоё..
Ай во ту ли пору было, во то время,
Помешалась-то у их да ихна поветерь
Приутихло всё у их ветёр способноё,
Ай ведь пали-потянули ветры буйные,
Он со вси пал со чётыре со вси стороны:
Со восточну ту пал ведь он, со западну,
Он со севёрну ту пал ведь он, со летную;
Пали ети ветры, всё погода ли,—

Замётало-забросало эти карабли
Как во ту ли-то во землю во татарскую,
Во татарскую во землю, во Арапскую,
Шчо ко той ли к еретице, ко разбойнице,
Шчо ко той ли ко Маринке ко Кайдаловке.
Она тут-то забрала чернёны ти вси карабли
Якоря-то они спускали в воду — брала пошлину,
Ай мосты они мостили — мостово брала,
Засадила всех у их молодых матросичков,
На волю только спустила трех-то корабельдичков.
Ети ходят корабельщички да слёзно плачут же,
Слезно плачут-то они да думу думают,
Думу думают они, думу единую,
Говорят-то они да всё в одно слово:
«Нам-то сколько будёт это всё ходить по городу?
Надь писать-то ведь князю Глебу ту Володьёвичу,
Написать-то ведь надь нам скоро грамотка».
Написали-то они да скору грамотку,
Он ведь то ёму пишёт про товары всё:
«Еще были дороги у нас перчаточки,
Дороги были перчатки из семи шолков,—
Она всё у нас взяла да всё отобрала.
Своёму она берет эту всё пошлину,
Своёму-то скоплят она да золоту казну

Ай тому ли она другу, другу милому,
Дружку милому дарит-то она пошлину, любимому,
Ай тому ли она старой-то старыньшины,
Ай по имени она да Ильи Муромцу,
Ильи Муромцу она, сыну Ивановичу».

Тут ведь всё они да расписали тут,
Описали своему князю любимому:
«Заморить она ведь хочёт всё смертью голодною,
Еще тех она нашла да всё матросичков,
Тут она-то нас-то, добрых молодцов, не посадила нас,-
Хошь не досыта она да нас поит, кормит».

Нанимали, посылали всё скорых гонцей,
Ай скорых они гонцов, чтобы скорёхонько,
Они тех-то всё послов, да послов верных,
Послов верных они, всё неизменных,—
Да они ведь говорят да таковы слова:
«Вы приедете к ему, князю, скорёхонько,—
Он не мешкал шчобы, да князь, ни день, ни два,
Шчо ни день-то он, ни два, шчобы ни полчаса».

Приезжали-то тут они скоры послы,—
Ай во ту ведь пору да князь-то Глеб Володьёвич
Он сидит-то за столом, да сидит кушаёт,
Сидит кушаёт за столом, сидит обедаёт.
Недосуг тут князю дообедывать,

Приказал-то им сѣдлатъ да он добра коня,
Он добра коня седлатъ всё богатырского,
Хорошо-то он велел коня да учесать, да всё угладити;
Он двенадцать ту шелковых опружинок застегивал,
Да не ради красы, я ради крепости,
Да своей-то я для силы богатырскою;
Приговаривал-то князь да Глеб Володьёвич:
«Ты уклад ты мой, не гнись, да ты убор, не рвись,
Ты не ржавей, не темней, да красно золото».
Поезжал-то он скоро, приговаривал:
«Ты беги-беги, скачи скоро, мой доброй конь,
Ты мой доброй конь, да богатырской мой».
Тут приехал-то князь-от Глеб да свет Володьёвич
Он ко той ли еретице, всё безбожнице,
Он ко той ли ко Маринке ко Кайдаловке.
Увидала-то Маринка всё Кайдаловка,
Еще та всё еретица, всё безбожница,
Она зло-то всё несла на Глеба-то Володьёвича,
Потому она-то несла — да всё ведь думала,
За ёго-то ей хотелось замуж выйти всё,
Замуж выйти ей хотелось, во супружество.
Приезжат-то князь да ко её всё к широку двору,
Он кричал-то своим да зычным голосом,
Зычным голосом своим да во всю голову.

Еще тот ли богатырь-князь всё Глеб да свет Володьёвич,
Он ведь тут скоро кричал да во второй након:
«Уж ты гой еси, ты еретица, ты безбожница,
Уж ты та ли Маринка ты Кайдаловка!
Ты подай-подай мои да черны карабли,
Ты подай-подай мои товары все ведь разные,
Ты подай-кася, Маринка, ты моих-то всё матросиков,
Подай трех-то ты моих же молодых корабельщиков».

Я во ту пору Маринка умывается,
Хорошо она да наряжается:
«Ты возьми-кася, ты Глеб да всё Володьёвич,
Ты возьми-возьци меня да всё в замужество,—

Я отдам тогда чернёны твои карабли,
Я отдам-то трех твоих я корабельщиков,
Я отдам-то всё твоих, твоих матросиков».

Говорил-то тут Глеб да сын Володьёвич:

«Мне не надоть, еретица ты, безбожница,

Еще та ли Маринка ты Кайдаловка».

—«Не отдам тебе я черны карабли,

Не отдам тебе молодых всё корабельщичков.

Загану-то я тебе, князь, шесть загадок хитромудрых.

Ты отгадашь мои загадки хитромудрые —

Я тогда-то я тебе да всё отдам твое».

Говорит-то еще Глеб да сын Володьёвич:

«Отгану твои загадки хитромудрые,
Говори-ка про загадки, всё мне сказывай».
— «Шчо перва-то загадка хитромудрая:
Еще краше-то свету, свету белого?
Шчо друга-то есь загадка хитромудрая:
Еще выше-то лесу, лесу темного?
Шчо третья-то есь загадка хитромудрая:
Без кореньица она да всё случается?
Ай четверта есь загадка хитромудрая:
Еще чаще, чаще лесу, лесу частого?
Как еще ведь есь-то пята всё загадочка:
Без замочков-то еще же есь загадочка?
Да еще-то есь у нас хитра загадочка:
Шчо у вас-то есь да на святой Руси?
У тебя, князь, это есь у широка двора,—
Ай стоит-то высока гора великая,
На горе-то есь ведь кипарис растет всё, дерево,
Как на дереве-то есь да тут сокол сидит,
Как сокол-от сидит, да он висём сидит»,
Говорит-то ведь ей да князь-от всё таки речи:
«Ах ты дура, еретица, всё безбожница!
Не хитры твои загадки хитромудрые:
Шчо перва та всё загадка хитромудрая —
Еще краше ведь свету красно солнышко;

Еще выше-то лесу млад светёл месяц,
Еще чаще-то лесу звезды божьи ти,
Без кореньица падут ведь снежки белые,
Без замочков-то течут да речки быстрые;
А гора та у нас есь на святой Руси,
Аи гора та — мой-то богатырской доброй конь,
Кипарисно то деревцо — мое да всё седёлышко,
Ай седёлышко мое да на добром кони,
Да сокол-то ведь сидит — ведь я же, доброй молодец,
Я ведь русской сильной-от, могучёй всё богатырь-от,
Еще тот ли я князь да Глеб Володьёвич.
Ты отдай теперь мои ведь чёрны карабли».
Отдала она ему скоро-крутёшенько,
Всё крутёшенько она да ёму всё ёго,
Выпускала-то всих-то молодых корабельщичков,
Выпускала всих-то младеньких матросиков,
Шчо сама-то говорила таковы слова,
Как стояла на крыльцы паратном всё,
Она кланялась ёму всё до низкой земли:
«Добро жаловать, ты Глеб да сын Володьёвич,
Ты ко мне-то ты в палаты белокаменны,
Шчо попить-то ты, поись со мной, покушати.
Хоть ты не идёшь ко мне да во палатушки,
Ты возьми-возьми у мня хоть золоту чарку,

Ты возьми-ка у меня-то, у девицы душой красною,

Возьми, душенька князь да Глеб Володьёвич.

Мы тогда-то ведь с тобой будём прощаться,

Мы тогда же с тобой будем расставаться».

Он хотел-то взять-то у ей золоту чарку в белы руки,—

Тут ведь доброй ёго конь забил в землю право ногой,

Он сплёскал-то у его стакан в правой руки:

Загорела тут матушка сыра земля,

Загорела тут грива лошадиная.

Он хватал скоро свою ту саблю вострую,

Он отсек-то, отрубил да у ей голову.

Они вырубili всех со старого до малого,

Не оставили они силы на семена.

Тут они-то обирали у ей всё красно золото,

Они собрали у ей, да всё подобрали,

Уходили на святу ту Русь, да еще в Новгород,

Поживать-то они стали всё по-старому,

Всё по-старому стали, всё по-прежнему,

Всё по-прежнему стали, по-хорошему.